

Культурологическая парадигма преподавания японского языка

Т.М. Гуревич

В статье освещаются инновационные методы преподавания японского языка. Анализ фундаментальных концептов «жизнь», «человек» и др. на занятиях по лингвокультурологии, знакомство с ценностными установками японцев поможет лучше понять специфические особенности национального менталитета, будет способствовать подготовке специалистов, готовых к успешному межкультурному общению.

Уже давно расхожим трюизмом стало утверждение, что культура – это то, что делает и думает нация, а язык – это то, как она это делает. Действительно, именно в языке находят свое отражение все моменты, характерные для той или иной конкретной цивилизации, отличающейся от других своим особым типом культуры и своеобразной картиной мира, оригинальной ценностной субординацией и корреляцией различных областей культуры. В языке не только проявляется своеобразие мышления народа, но в достаточной степени именно язык обуславливает стереотипы мышления и поведения человека, воспитывает в нем определенное мировоззрение.

Осваивая иностранный, чужой язык, человек входит в пространство другой культуры, учится смотреть на мир глазами человека, принадлежащего этой культуре. Другими словами, он овладевает другой языковой организацией мира, расширяются горизонты его восприятия действительности, позволяя как бы «со стороны» взглянуть и на ту культуру, в рамках которой человек находился до этого времени. В этом

смысле тот, кто осваивает иностранный язык, получает больше, его восприятие мира изменяется тем кардинальнее, чем больше культура и стоящая за ней цивилизация отличается от той, в которой он воспитывался. Вероятно, именно такая «ломка» родных культурно-цивилизационных рамок, необходимая для расширения горизонта восприятия мира, а отнюдь не лексико-грамматические сложности восточных или африканских языков, и являются главной причиной трудности освоения этих языков людьми, принадлежащими к европейской цивилизации.

На своем опыте мы постоянно сталкиваемся с тем, что отнюдь не каждый в состоянии успешно пройти через такую ломку. Потому и стали такими привычными утверждения о невозможности адекватного освоения неевропейских языков и вытекающими из этого сентенциями о непознаваемости, загадочности или лицемерии представителей народов Востока. Существует диаметрально противоположная точка зрения, базирующаяся, впрочем, как раз на этом самом неумении выйти за рамки привычных представлений, сложившихся в условиях монокультурного общества.

Гуревич Татьяна Михайловна – доктор культурологии, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: tmgur@mail.ru

Применительно к овладению иностранным языком иногда заявляют, что все утверждения о специфике восточных языков – «от лукавого», необходимо только должным образом овладеть грамматикой, выучить достаточный объем лексики, и будет готов специалист для работы с данным языком. Впрочем, с конца прошлого века эта точка зрения уже фактически не имеет своих сторонников, и целью обучения иностранным языкам является не просто освоение учащимися определенного лексико-грамматического материала, а подготовка людей к межкультурному общению, воспитание специалистов, способных обеспечить успешный диалог культур.

В практике преподавания языков утвердилась мысль о том, что при обучении иностранному языку необходимо учитывать национальные культурно-психологические особенности и носителей изучаемого языка, и тех, кто его изучает. В свое время многие лингвисты и методисты с энтузиазмом присоединились к мнению А. Вежбицкой, написавшей в конце прошлого века, что «пришло время для согласованных усилий по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества»¹.

На первый взгляд кажется, что следование этому совету действительно может помочь взаимопониманию между представителями разных цивилизаций. Но насколько велик список таких понятий и представлений? Можно ли утверждать, что существует единая иерархия ценностей для европейских культур, характерной чертой которых является «познающее» отношение к миру, при котором человек, познавая мир, противопоставляет себя ему, и для восточных культур с присущей им погруженностью и «растворенностью» в мире человека, не вычленивающего себя из окружающего космоса.

Несомненно, для лучшего понимания представителей другой культуры помимо знакомства с набором «понятий, лежащих в основе психологического единства», необходимо хорошо знать и о том, что окружающий мир по-разному воспринимается людьми, принадлежащими разным культурам. Надо четко осознавать, что в понятия, переводимые на родной язык хорошо знакомыми, привычными словами, в чужом языке может вкладываться непривычное значение. Представляется, что именно стандартизированные усилия по выявлению общего для всех набора понятий и привели к созданию «методических очерков-схем», которые, возможно, и удобны для знакомства с языком с целью поддержания возможности существования в иноязычной бытовой сфере и бизнесе, но оставляют непреодолимый барьер, разделяющий «своих» и «чужих».

Складывается мнение, что для воспитания человека, готового к межкультурному, а говоря

о народах Востока, к межкультурному общению, по мере «вхождения в изучаемый язык» надо вводить студента в новое культурное пространство и цивилизацию, озвученную на этом языке. Обучая иностранному, в частности японскому языку и речевой деятельности на этом языке, мы должны познакомить учащихся с новой системой мировосприятия, с новым взглядом на знакомые им понятия, и только затем обучать способу нормативного общения в японском обществе. То есть прививать новые, как говорят методисты, «вторичные», лингвопсихологические навыки, за внешними проявлениями которых стоит хорошее знание национально-культурной специфики.

Иностранный язык представляется тем сложнее, чем больше нового (помимо лексики и грамматики) приходится осваивать тому, кто взялся за его изучение. Например, при изучении японского языка наиболее сложным является учет того момента, что в рамках японской культуры, сформировавшейся в условиях почти трехсотлетней изоляции от внешних влияний, зачастую основной смысл высказывания передается не столько за счет вербализации, сколько благодаря ранее полученному знанию, учету стиля общения и контекстуальных подсказок. Определяющее значение контекста для понимания японцев постоянно является камнем преткновения при общении с ними представителей других культур.

Как известно, времени, отведенного на занятия иностранным языком, не хватает даже для того, чтобы хотя бы вскользь познакомить учащихся с наиболее интересными произведениями литературы и искусства, тем более что студенты помимо освоения самого языка, инструмента их будущей работы, должны еще овладеть и многими новыми компетенциями. Более быстрому и естественному вхождению в мир изучаемого языка должен способствовать курс «Мир изучаемого языка», который по крайней мере применительно к восточным языкам, следует назвать курсом лингвокультурологии. Целью такого курса может быть не столько презентация внешних проявлений культурной жизни стран современного Востока, сколько ознакомление студентов с системой ценностей, имеющей место в стране изучаемого языка. С учетом того, что возможны различные принципы иерархизации ценностей, именно система ценностей является определяющим моментом при формировании как национальной культуры, так и различных субкультур. Содержанием курса должно стать языковое отражение картины мира, свойственное культуре этой страны.

Определяя цивилизацию как «некую общность людей, объединенную не только единством, точнее, похожестью образа жизни, культуры, но и общностью духовных миров, общностью своего мировосприятия и струк-

турой шкалы фундаментальных ценностей»², выдающийся современный математик и мыслитель Н.Н. Моисеев утверждал, что основными составляющими цивилизации являются культура и технологические основы жизни. Он полагал, что при всем многообразии и несоизмеримости свойств различных цивилизаций существует вполне определенная общая шкала весьма консервативного и сохраняющегося в народе в течение тысячелетий соотношения личностных и общественных начал, другими словами, индивидуализма и коллективизма, с помощью которой можно сопоставить разные цивилизации.

Японская культура является коллективистской, а национальные особенности японцев определяются государственными, общественными и семейными ценностями, и эти традиционные ценности с течением времени, даже в эпоху глобализации, менее других подвергаются каким бы то ни было изменениям. Можно утверждать, что в случае Японии мы имеем дело с цивилизацией, таящей в себе многие уроки и возможности для развития диалога с другими цивилизациями. Культура этой страны зиждется на гармоническом соотношении человека и мира, микрокосма и макрокосма. Японцы более, чем европейцы, склонны рассматривать человека как природное явление. Об этом свидетельствует, например, и тот факт, что их синтоистские божества отнюдь не всегда антропоморфны – божеством может быть даже дерево или какой-либо камень.

Благодаря уникальному культурно-историческому опыту этой страны важнейшей особенностью социального поведения японцев является выработанное веками стремление к поиску общеприемлемого решения любых проблем. Стремление к единению лежит и в основе того, что, несмотря на наличие множества диалектов японского языка и специфики культуры различных слоев населения в разных районах страны, можно с уверенностью говорить о культурном и языковом единстве Японии. Тот факт, что стиль речевого поведения японцев, несмотря на то что жизнь современного поколения несет на себе печать нового быта и новых условий общения, продолжает во многом соотноситься с правилами конфуцианской этики и морали, способствует, пусть даже только внешне, гармонизации отношений.

Вопрос о взаимопонимании ненов, уже несколько веков Запад и Восток идут навстречу друг другу, но, справедливости ради, надо отметить, что Восток более успешно продвигается по этому пути и лучше изучил западную цивилизацию и освоил западную культуру, чем Запад – восточную. Приходит и уходит мода на все восточное, но мы не так уж далеко отошли от Гегеля и его восприятия восточной философии, который о высказываниях

Конфуция написал: «Для его славы было бы лучше, если бы они не были переведены»³. Для лучшего понимания наших восточных соседей нам следует не только попытаться проникнуть в сущностные пласты восточной цивилизации, но и познакомиться со взглядом на нашу культуру представителей Востока.

Необходимо, например, знать, что при контактах с европейцами японцев (как и представителей некоторых других восточных стран) часто раздражает активно-наступательный стиль ведения разговора, нарочито подчеркнутое интонирование фразы, стремление все досконально выяснить и «расставить все точки». Классик японской литературы нового времени Танидзаки Дзюнъитиро пишет: «Когда сталкиваешься с европейцами лицом к лицу, даже только громкость их голоса подавляет физически... Европейцы совершенно не постигают внутренних, скрытых движений, которые помогают понимать друг друга без слов... Если вдуматься, западный человек слишком уж вмешивается в чужие дела»⁴.

В курсе лингвокультурологии предметом рассмотрения должна стать не только языковая картина мира другой культуры, но также восприятие и оценка родной культуры, наших реалий носителями изучаемого языка. Как, например, понимается идея Бога, *веры* (религиозной) в стране, где одни и те же люди новорожденных несут в синтоистский храм, церемонию бракосочетания проводят в католическом соборе, а хоронят по буддийскому обряду? Востоковеды должны знать, что важным фактором, который лежит в основе того, что японцам трудно органически войти в пространство христианского мироощущения, является концепция единого Творца, занимающая доминирующее место в христианской культуре. «Последователи христианства и иудаизма озабочены проблемой Бога, объективно существующего, или Бога вне нас, а большинство восточных народов, наоборот, стремятся заглянуть внутрь, в самих себя, чтобы найти там высшее «я», в котором пребывает реальность. <...>Высшее «я» – это Бог, а Бог – это высшее «я»»⁵.

Может ли соответствовать европейским эквивалентам выражение *всеобщее равенство* в обществе, подразумевающим приоритет протекции, возраста и выслуги лет? В сформировавшейся на сплаве синтоистских и буддийских корней японской культуре многие составляющие из «набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества», имеют значение, весьма отличающееся от европейских аналогов. Например, японская культура является культурой не греха, а стыда. Привычное христианской культуре понятие *греха* отсутствует в национальной японской языковой картине мира, оно пришло в эту страну вместе с христианством, которое существенно трансформировалось в услови-

ях Японии. Поэтому японцам не свойственны мучения совести: ведь цель оправдывает средство, и если никто не видел, и социум не осуждает, то можно делать все, что принесет практическую пользу и выгоду. Не отсюда ли расхожее на Западе утверждение о восточном коварстве?

Японским обществом фактически признается существование отличных друг от друга норм поведения в группе и вне ее, другими словами – морали по отношению к своим и морали по отношению к чужим. Мораль у японцев не базируется на совести каждой личности, поскольку не предполагается существование свободы и личного выбора человеком нравственных ценностей. Их мораль построена на чувстве стыда и корпоративного долга. Как пишет автор многочисленных социально-политических исследований Т. Сакаия, у японцев «справедливость носит относительный характер»⁶.

Универсальная и присутствующая в коллективном сознании любого этноса оппозиция «свой–чужой» находит яркое отражение в японском языке, определяя не только восприятие всего, что окружает человека, но и его поведение в социуме.

Для японца природа не существует как внешний мир, противостоящий человеку. Мир проявляется как функция психического состояния, которая присутствует в опыте и воспринимается через опыт. В христианской традиции, например, принято противопоставлять тело и душу, полагая, что тело греховно и низменно, подвержено плотским страстям, а дух или душа понимается как нечто светлое и возвышенное, несущее в себе искру божественного начала. В японской национальной традиции никогда не существовало противопоставления души и тела, но было единство – *синсин*, буквально, то есть согласно иероглифам, «душа–тело». Человек, его телесная и духовная составляющие неразделимы, и подтверждением этого является определенная «раздробленность» термина, обозначающего душу живого человека. Языковые данные говорят о том, что духовные, душевные, моральные качества и силы человека у японцев не концентрируются в каком-то определенном месте, а рассредоточены по различным органам и частям тела. Таким образом, человек является собой то, каковыми являются его сердце, печень, живот и кишки, понимаемые не просто как анатомический орган, а какместилище, а порой и синоним тех или иных душевных и моральных качеств⁷.

Добро и зло воспринимаются в японской традиции как формы реализации природы и интерпретируются японцами исключительно как относительные истины, действительные для конкретного человека в данный момент и в нужный час. Господствовавшее в 50–60-х гг. прошлого столетия представление о японцах

как о злобных и жестоких фанатиках, любящих цветы, в значительной степени было сформировано вышедшей в 1946 г. работой Р. Бенедикт⁸, написанной по заданию ведомства военной информации США с целью изучения непредсказуемого противника – японцев. Дело в том, что в кровопролитных боях Второй мировой войны американские войска столкнулись с солдатами противника, которые очень отличались от воинов, известных до тех пор. Японцы совершенно не обращали внимания на людские потери, были исключительно жестоки не только к врагу, но и к своим собственным солдатам. Гибель воина воспринималась как проявление высшей добродетели в военных условиях. Специфика японского подхода к разработке военных операций сбивала с толку американских стратегов.

Что же касается образа японцев, то постепенно крайне негативное представление о них постепенно преобразовалось в умиление перед удивительно «чуткими последователями дзэн и прочих духовных практик, занимающимися чайной церемонией и аранжировкой цветов», выпестованное к середине 70-х гг. прошлого века очень тщательно проработанной японскими специалистами теорией о самих себе – «нихондзинрон». Эта теория вкупе с книгой Р. Бенедикт стала основой мифа об уникальности японцев, под обаянием которого попали и некоторые серьезные ученые. Оба подхода не свободны от недостатков, но с ними следует ознакомиться для того, чтобы успешно работать с японцами.

Обращение к работе Р. Бенедикт и к теории «нихондзинрон» показывает, что невозможно быть объективным ни тогда, когда, характеризуя те или иные культуры, исходят из критериев, свойственных другой, в данном случае – европейской, культуры, ни тогда, когда критерии берутся из той же культуры, которая анализируется. Похоже, что в этом случае мы имеем дело с антиномией межкультурной коммуникации, аналогичной антиномии переводческой.

Исследование языкового материала на занятиях по лингвокультурологии позволит, с одной стороны, обойтись без использования критериев европейской культуры, а с другой – без саморефлексии японской культуры, явления которой мы будем рассматривать. Сопоставляя материалы японского и, например, русского языков, мы можем выделить то, что характерно для каждой из рассматриваемых культур. В частности, анализ концептов «жизнь», «человек» и многих других в японской языковой картине мира позволит говорить об особенном отношении японцев к рассматриваемым явлениям, совершенно отличном от того, что свойственно не только русским, но и другим европейцам. Ведь именно японское отношение к понятию *смерть*, выглядевшее для представителей западной цивилизации

■ Филология

как «пренебрежение смертью», повергло в свое время в недоумение американских стратегов.

Много интересных выводов, которые могут при беседе понять партнера, спрогнозировать его реакцию на то или иное предложение, позволит сделать знание того, что и как он понимает и что ассоциируется у тех людей, на языке которых ты говоришь, со словами *время, работа, хорошо, плохо, счастье, беда* и со многими другими столь же «понятными» словами. Знания об этом и должны получить студенты на занятиях по лингвокультурологии.

В рамках короткой статьи я попыталась представить некоторые специфические моменты, которые учитываются при разработке курса «Мир изучаемого языка», который, как мы полагаем, надо обязательно внести в сетку занятий на всех факультетах, где ведется обучение японскому языку. Для того, чтобы подготовить профессионалов, способных работать в условиях XXI в. по григорианскому календарю, XV в. по мусульманскому, 47-го

века по китайскому, 58-го века по еврейскому, 12-го, 20-го, 21-го и 58-го веков, в которых живет население Индии, третьем и далее десятилетиям эпохи Хэйсэй японского календаря, необходимо познакомить будущих специалистов с ценностными установками носителей народов тех стран, с которыми они будут работать. С максимальной эффективностью это можно сделать, привлекая неисчерпаемые богатства языков, которые изучаются в нашем вузе.

Gurevitch T.M. Cultural Paradigm of Teaching the Japanese Language.

Summary: *The article enlightens the innovation methodic of Japanese language teaching. The analysis of basic concepts such as «life», «human being» at the lingvocultural lessons, acquaintance with Japanese values should help to better understanding of national mentality, to train specialists prepared for successful intercultural relations.*

Ключевые слова

Лингвокультура, национальный менталитет, система ценностей, иностранный язык, межкультурное общение.

Keywords

Lingvoculture, national mentality, East civilization, foreign language, intercultural communication.

Примечания

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С.322.
2. Моисеев Н.Н. Заслон средневековью. М.: Тайдекс Ко, 2003. С. 30.
3. Цит. по: Лисевич И.С. Литературная мысль Китая. М.: Наука, 1979. С.4.
4. Танидзаки Дзюньитиро. Понемногу о многом.: Сб. «Мать Сигэмото». М.: Наука, 1984. С.271–272.
5. Судзуки Д., Сэкида К. Дзэн–буддизм. Бишкек: Одиссей, 1993. С. 361.
6. Сакаия Т. Что такое Япония? М.: Партнер Ко Лтд, 1992. С.151.
7. Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. М.: МГИМО(У), 2005.
8. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. СПб.: Наука, 2004 (Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. – Boston, 1947 – первое изд. на англ. яз.) .